

ISSN 2542-2332

2018 №3 (16)

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2018

Издание основано в 2007 г.

Главный редактор:

П. К. Дашиковский, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционная коллегия:

- К. М. Байпаков*, доктор исторических наук, академик АН РК (Казахстан, Алма-Ата)
С. А. Васютин, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)
Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук (Россия, Москва)
А. П. Забияко, доктор философских наук (Россия, Благовещенск)
А. А. Тишкин, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)
Н. А. Томилов, доктор исторических наук (Россия, Омск)
Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)
О. М. Хомушку, доктор философских наук (Россия, Кызыл)
Л. И. Шерстова, доктор исторических наук (Россия, Томск)
Е. А. Шершинева (отв. секретарь), кандидат исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет журнала:

- Л. Н. Ермоленко*, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)
Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)
Л. С. Марсадолов, доктор культурологии (Россия, Санкт-Петербург)
Г. Г. Пиков, доктор исторических наук, доктор культурологии (Россия, Новосибирск).
А. К. Погасий, доктор философских наук (Россия, Казань)
К. А. Руденко, доктор исторических наук (Россия, Казань)
С. А. Яценко, доктор исторических наук (Россия, Москва)
А. С. Жанбасинова, доктор исторических наук (Казахстан, Усть-Каменогорск)
Н. И. Осмонова, доктор философских наук (Кыргызстан, Бишкек)
Н. Цэдэв, кандидат педагогических наук (Монголия, Улан-Батор)
Ц. Степанов, доктор исторических наук (Болгария, София)
З. С. Самашев, доктор исторических наук (Казахстан, Астаны).

*Журнал утвержден научно-техническим советом
Алтайского государственного университета и зарегистрирован Комитетом РФ
по печати. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-69787 от 18.05.2017 г.
Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть
перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.*

*Журнал подготовлен при частичной финансовой поддержке проекта Минобрнауки
РФ «Развитие этнорелигиозной ситуации в трансграничном пространстве Алтай,
Казахстана и Монголии в контексте государственно-конфессиональной политики:
исторический опыт и современные тенденции» (проект № 33.2177.2017/4.6).*

© Оформление. Издательство
Алтайского госуниверситета, 2018

ISSN 2542-2332

2018 №3 (16)

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2018

The journal was founded in 2007

Executive editor:

P. K. Dashkovskiy, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

The editorial Board:

K. M. Baypakov, doctor of historical sciences, akademik (Kazakhstan, Alma-Ata)

S. A. Vasutin, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

N. L. Zhukovskay, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

A. P. Zabayako, doctor of philosophical sciences (Russia, Blagoveshchensk)

A. A. Tishkin, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

N. A. Tomilov, doctor of historical sciences (Russia, Omsk)

T. D. Skrynnikova, doctor of historical sciences (Russia, Saint-Petersburg)

O. M. Homushku, doctor of philosophy (Russia, Kyzyl)

L. I. Sherstova, doctor of historical sciences (Russia, Tomsk)

E. A. Shershneva (res s. secretary), candidate of historical sciences (Russia, Barnaul)

The journal editorial Board:

L. N. Yarmolenko, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

U. A. Lusenko, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

L. S. Marsadolov, doctor of Culturology (Russia, St. Petersburg)

G. G. Pikov, doctor of historical sciences, doctor of cultural studies (Russia, Novosibirsk)

A. K. Pogassiy, doctor of philosophical sciences (Russia, Kazan)

K. A. Rudenko, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)

S. A. Yatsenko, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

A. S. Zhanbosynov, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk)

N. I. Osmonova, candidate of philosophical sciences (Kyrgyzstan, Bishkek)

N. Cedeu, candidate of pedagogical sciences (Mongolia, Ulaanbaatar)

Ts. Stepanov, doctor of historical sciences (Bolgariy, Sofiy)

Z. S. Samashev, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Astana)

Approved for publication by the Joint Scientific and Technical Council of Altai State University. All rights reserved. No publication in whole or in part may be reproduced without the written permission of the authors or the publisher. Registered with the RF Committee on Printing. Registration certificate PI № ФС 77-69787. Registration date 18.05.2017.

The magazine was prepared with the partial financial support of the project Ministry of education and science of the Russian Federation (the project "Development of ethno-religious situation in cross-border space of Altai, Kazakhstan and Mongolia in the context of state-confessional policy: historical experience and modern trends", No. 33.2177.2017/4.6).

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Руденко К. А.</i> Булгарские золотые филигранные подвески с фигурками птиц: к вопросу о происхождении.....	7
<i>Нуржанов А. А., Крупко И. В.</i> Тюркская культура как уникальная среда и продукт этнокультурных импульсов Великого шелкового пути.....	22
<i>Ямаева Л. А.</i> Переднеазиатский след в этногенезе башкир.....	30
<i>Пиков Г. Г.</i> Судьба элиты кочевой империи после крушения государства (на примере восточноазиатской империи Ляо, 907–1125)	39

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Анисимова И. В.</i> Особенности организации опекунского дела в Степном крае в конце XIX — начале XX в.....	48
<i>Лысенко Ю. А.</i> Формирование национальных подразделений Красной армии Степного края и Туркестана в период Гражданской войны (1918–1922 гг.).....	59
<i>Чотаева Ч. Д.</i> Мультикультурализм города Бишкек: этничность и язык в советский и постсоветский периоды	75
<i>Стурова М. В.</i> Русско-казахские школы в системе государственного управления образовательным пространством Степного генерал- губернаторства начала XX в.	88

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Ярков А. П.</i> Ислам в Хакасии (в контексте идеи «все тюрки — мусульмане»).....	99
<i>Байтаков К. М., Терновая Г. А.</i> Манихейский комплекс во дворце средневекового города Кулан (VIII в.)	111

Раздел IV

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ

<i>Дашковский П. К., Шершнева Е. А.</i> Национальная и гражданская идентичность: рабочая программа учебной дисциплины.....	130
---	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	146
---------------------------------	------------

ДЛЯ АВТОРОВ	148
--------------------------	------------

CONTENT

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Rudenko K. A.</i> Bulgarian golden filigrane pendants with bird figures: to the question of origin	7
<i>Nurzhanov A. A., Krupko I. V.</i> Turkic culture as a unique environment and product of ethnocultural impulses of the Great silk way	22
<i>Yamaeva L. A.</i> Asianminor trace in the ethnogeny of the bashkirs.....	30
<i>Pikov G. G.</i> The fate of the nomadic elite of the empire after the collapse of the state (for example, the east asian empire Liao, 907–1125).....	39

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Anisimova I. V.</i> Organisational features of guardianship in the Steppe region in the late XIX — early XX centuries.....	48
<i>Lysenko Y. A.</i> The formation of the Red army of the Steppe krai and Turkestan national units during the civil war (1918–1922).....	59
<i>Chotaeva Ch. D.</i> Multiculturalism of Bishkek city: ethnicity and language in soviet and post-soviet times	75
<i>Sturova M. V.</i> Russian-kazakh schools in the system of state administration	88

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

<i>Yarkov A. P.</i> Islam of the Khakasia (in the context of the idea of “all turks are muslims”)	99
<i>Baipakov K. M., Ternovaya G. A.</i> Manikhean complex in the palace of the medieval town Kulan (VIII c.).....	111

Section IV

SCIENCE AND EDUCATION

<i>Dashkovskiy P. K., Shershneva E. A.</i> National and civic identity: the working program of the discipline	130
--	-----

INFORMATION ABOUT CONFERENCES	146
--	-----

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	148
--	-----

Iamaeva L. A. O vremeni sozdaniia eposa "Ural batyr" [About the time of the creation of the epic "Ural batyr"]. *Ural i prostory Evrazii skvoz' veka i tysiacheletii* [Ural and the expanses of Eurasia through the centuries and millennia]. Ufa : RITs BashGU, 2013. S. 125–131 (in Russian).

Iamaeva L. A. Epos kushanskoj epokhi [The Epic of the Kushan Epoch]. *Vestnik VEGU* [Vestnik VEhU]. Ufa, 2015. № 1 (75). S. 186–196 (in Russian).

УДК 94 (5); 94 (100) 05; 94 (510) 03; 94 (517)

Г. Г. Пиков

Новосибирский государственный университет, Новосибирск (Россия)

СУДЬБА ЭЛИТЫ КОЧЕВОЙ ИМПЕРИИ ПОСЛЕ КРУШЕНИЯ ГОСУДАРСТВА (НА ПРИМЕРЕ ВОСТОЧНОАЗИАТСКОЙ ИМПЕРИИ ЛЯО, 907–1125)

Речь идет о судьбе киданьской элиты в постгосударственный период. Эта судьба есть неотъемлемая часть крушения и деформации государства. За все время решающего противостояния киданей и чжурчжэней наметилось несколько механизмов борьбы с ляоской элитой. Чжурчжэни сразу начали элементарный демонтаж киданьской элиты, когда шло элементарное физическое уничтожение ее в ходе военных действий. В это время часть элиты оказалась вытеснена за пределы империи. Параллельно военному противостоянию шла информационная атака, предусматривающая две цели — воспитание ненависти к киданям в среде самих чжурчжэней и дискредитация ляоской империи и ее династии перед геополитическими соседями и населением Ляо. Это информационное наступление было очень тщательно продумано и шло сразу в нескольких направлениях. Особое место в «холодной войне» чжурчжэней с киданями заняла деятельность по дискредитации как отдельных киданьских императоров, так и фигуры императора в целом. Особую роль в уничтожении киданьской элиты сыграла и культурная перестройка. Чжурчжэни фактически взяли под свой контроль все культурные потоки. Именно при чжурчжэнях практически полностью исчезла обильная киданьская литература.

Ключевые слова: кидани, империя Ляо, элитаи, кочевники, император, чжурчжэни.

G. G. Pikov

Novosibirsk state University, Novosibirsk (Russia)

THE FATE OF THE NOMADIC ELITE OF THE EMPIRE AFTER THE COLLAPSE OF THE STATE (FOR EXAMPLE, THE EAST ASIAN EMPIRE LIAO, 907–1125)

This article deals with the fate of the Chitan elite in the post-state period. This fate is an integral part of the collapse and deformation of the state. For all the time of a decisive confrontation between the Chitans and the Jurchen've outlined a few mechanisms to deal with elite of the Liao. Jurchen immediately began basic dismantling of the Chitan elite. First of all, of course, there was an elementary physical destruction of it during military operations. In the course of military operations, part of the elite was forced out of the Empire. Parallel to the military confrontation was information attack with two goals — the education of hatred against the Chitans in the environment of the Jurchen and discredit Empire Liao and its dynasty before geopolitical neighbors and to the people Liao. This information offensive was very carefully thought out and went in several directions. A special place in the “cold war” between Jurchen and the Chitans was occupied by activities to discredit both individual Chitan emperors and the figure of the Emperor as a whole.

Played a special role in the destruction of the Chitan elite and general cultural restructuring. Jurchen actually took control of all cultural flows. That's when the Jurchen almost completely disappeared Chitan abundant literature.

Keywords: Chitans, Empire Liao, the nomads, the Emperor, Jurchen.

DOI: 10.14258/nreur (2018) 3–04

Пиков Геннадий Геннадьевич, доктор исторических наук, доктор культурологии, профессор кафедры всеобщей истории Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, Новосибирск (Россия). Адрес для контактов: gennadij-pikov@yandex.ru

Одной из важнейших и интереснейших проблем исторической науки является история государства. Так называемая всеобщая история, которую мы изучаем, есть, строго говоря, история тех общественных и политических институтов, которые зарождаются на определенном этапе развития человечества и существуют по сей день, в том числе и государства. Принцип изучения истории через государство был сформирован в античности и возрожден в эпоху Ренессанса (Ж. Боден). За последние столетия изучена история многих конкретных государств. Тем не менее в этом есть некоторый парадокс. Мы подробно исследуем период создания государства и его историю до разрушения или исчезновения, однако практически не касаемся процесса его деформации. В лучшем случае изучаются, а иной раз вполне подробно, как в случае

с Римской или Византийской империями, предпосылки и причины гибели государства. Однако любое государство представляет собой достаточно совершенное статическое устройство и не умирает мгновенно, всегда есть процесс длительного, сложного и болезненного его демонтажа. На это обычно не обращают внимания, все сводится к военному разгрому, но государство — это не только и даже не столько армия, соответственно, процесс демонтажа многосторонний и многоступенчатый.

В данной статье речь идет об оригинальном варианте государства — кочевой империи киданей под названием Ляо (901–1125) на территории Восточной Азии. История его создания и функционирования в общих чертах реконструирована [Е Лун-ли, 1979; История Железной империи, 2007; Пиков, 2016; Wittfogel К. — А., Feng Chia-sheng, 1949], но заключительный этап его существования сводится лишь к «разгрому» его чжурчжэнями. То, что осталось после войны от сложной статической конструкции, рассматривается лишь при описании формирования новой империи Цзинь (Золотая империя, 1115–1234). Вспоминается лишь то, что было при этом «использовано» чжурчжэнями.

Проблема демонтажа киданьской империи обширна и многоаспектна, и в данном случае речь пойдет лишь о судьбе киданьской элиты в постгосударственный период. Эта судьба есть неотъемлемая часть крушения и деформации государства. Как само государство, так и его элита не могли быть просто и быстро физически уничтожены, хотя и такие случаи в истории известны, однако обычно эти феномены уходят медленно и сложно.

Значительную информацию об этом можно получить на материале таких обширных исторических сводов, как «Ляо ши» и «Цидань го чжи», особенности которых в данном случае необходимо обязательно учитывать¹⁰. Это не просто так называемые первоисточники, но и тексты, отражающие довольно специфические представления о киданях и их государственности во время существования и после гибели империи Ляо. Сам отбор документов, включенных в них, и оценки как отдельных фактов и государственных деятелей, так и самого киданьского государства очень тенденциозны. Однако содержащийся в них фактический материал вполне репрезентативен при изучении нашей темы.

В условиях деградации и гибели империи Ляо ее элита разделилась на три части, судьба каждой из них разная. Часть погибла в боях, многие пошли на службу к новой династии. Одна часть ушла на запад с членом императорского рода Елюй Даши. Упоминания о киданьской элите в источниках с этого времени становятся редкими. Это связано с двумя факторами: постепенное исчезновение киданьской элиты в пределах созданной в Восточной Азии новой империи чжурчжэней Цзинь (Золотая империя, 1115–1234) и минимальная информация о западнокиданьском государстве Си Ляо (1125–1218) в источниках того времени.

Чтобы понять судьбу киданьской элиты в пределах новой империи, надо учитывать, что речь идет о необычной социальной категории.

Киданьская элита — особая этносоциальная группа. Она представляла собой верхушку всего имперского «управляющего класса» и осуществляла функции управления социумом, вырабатывала новые модели (стереотипы) поведения, позволяющие социуму приспосабливаться к изменяющемуся окружению, контролировала большую

¹⁰ Подробнее о структуре и истории создания «Цидань го чжи» и «Ляо ши» см.: [Таскин, 1971: 62–82].

часть материальных и политических ресурсов, занимала высшие посты в иерархии статуса и власти, получив их по положению или по заслугам. Она четко отделяла себя от остальных слоев населения с помощью особых прав и обязанностей, образа жизни, этоса, одежды, уровня богатства, погребения. Элита — не высший уровень развития общества или рода, а род, сделавший своей «профессией» управление. Остальные феодалы не были ему подчинены. У каждого слоя своя «профессия», и «правлящий» род занимается всей территорией, у него максимальные полномочия («власть»). Это особый этносоциальный слой, стоящий над обществом, с особой идеологией и особой судьбой. В государственных делах не знать и даже не аристократия проявляли инициативу, а именно элита. Элита — особый социальный слой, создающийся, если так можно выразиться, под особый проект. В данном случае — «империя». При этом речь идет о руководстве этим проектом, а не о простом участии в нем.

Именно по этой причине чжурчжэни в рамках своего государства вели решительную борьбу именно с элитой. За все время решающего противостояния киданей и чжурчжэней наметилось несколько механизмов борьбы с ляоской элитой.

Чжурчжэни сразу начали элементарный демонтаж киданьской элиты. На положение, востребованность и эффективность ее деятельности, несомненно, влияло уже то, что чжурчжэни отбирали у ее представителей собственность, права и привилегии. Прежде всего, разумеется, шло их элементарное физическое уничтожение в ходе военных действий. Надо признать, что это было безжалостное уничтожение, если только не удавалось кого-то перетянуть на свою сторону. Преимущественно завоеватели брали практиков, специалистов, т. е. своего рода продукт проекта, а не представителей царствующего рода. Последние и бились, как правило, насмерть, и им никогда не доверяли. Чжурчжэням нужны были военные знания и таланты представителей элиты, и при малейшем подозрении, как это было в случаях с членами императорского рода Елюй Юйду или Елюй Даши, которые были захвачены в плен и вынуждены были пойти на службу к захватчикам, убивали их или их родственников. Представителям элиты во многом намеренно предоставляли менее значительные должности, чем те, которые они занимали ранее. Это «опускание вниз», перевод в разряд специалистов-исполнителей, со временем приводило к их депрофессионализации.

Представители киданьского управляющего класса активно использовались чжурчжэнями. Именно они помогли восстановить ляоскую систему контроля за кочевыми племенами. Северо-западные и юго-западные киданьские губернии в 1127 г. были превращены в верховные «комиссариаты», которые возглавили кидани, опиравшиеся на помощь своих соплеменников. В империи Цзинь кидани занимали посты советников, старших советников, вице-канцлеров [Воробьев, 1975: 299, 300].

В ходе военных действий часть элиты оказалась вытеснена за пределы империи. Член императорского рода Елюй Даши увел их сначала в западные районы империи Ляо, а потом и на территорию Центральной Азии (современные Казахстан и Киргизия). После разгрома Ляо с Елюй Даши ушло до 200 членов правящих родов Елюй и Сяо. Их уход в определенной степени был выгоден чжурчжэням, которые не только избавились от необходимости вести затяжную борьбу с особо непримиримыми сторонниками возрождения киданьской империи на своей территории, но и обрекли их на, казалось бы, неминуемое уничтожение мусульманами. Кто мог предполагать, что Даши

сможет нанести мусульманским правителям ряд сокрушительных поражений и получит возможность создать «правительство в эмиграции», которое очень скоро станет во главе одного из крупнейших азиатских государств? Как, однако, покажет дальнейшая история, эта «высылка диссидентов» в итоге все же приведет к их физическому уничтожению мусульманами и монголами. В любом случае эта часть элиты перестала представлять опасность для цзиньцев.

Параллельно военному противостоянию шла информационная атака, предусматривающая две цели — воспитание ненависти к киданям в среде самих чжурчжэней и дискредитация ляоской империи и ее династии как перед геополитическими соседями киданей (китайская империя Сун и тангутская Си (Западная) Ся), так и внутри самой Ляо перед ее населением.

Это информационное наступление было очень тщательно продумано и шло сразу в нескольких направлениях.

Первой подверглась информационному удару идея «Ляо», когда было искажено значение этого слова. В этом термине нашли дополнительное значение «железные оковы» и именно в контексте угнетения стали рассматривать и саму киданьскую историю и культуру, и сущность киданьского государства. Если династия создала несправедливое государство, занимавшееся этническим и социальным угнетением, то тем самым фактически в осуществлении этого обвинялись именно представители элиты.

Чжурчжэни уже в период войны с Ляо начали демонтаж киданьского народа, с таким трудом собранного из различных этнических групп. Демонтаж «цидань» шел быстрее, чем демонтаж этатической конструкции «Ляо», ведь основная масса населения, включая знать и даже многих аристократов, ничего не теряла с приходом новых хозяев, оставаясь на прежнем месте.

Чжурчжэни гордились своими победами над Ляо, хотя одновременно повторяли китайский тезис о воинственности киданей и тем самым, можно сказать, внесли свой вклад в формирование этого современного клише. Следует отметить, что именно во время династии Цзинь появилось «Цидань го чжи» («История государства киданей») с несомненным использованием тех материалов, которые попали в руки цзиньцев после разгрома Ляо. Создание этого текста стало мощным информационным ударом не только по киданям, но и по кочевникам в целом. Фактически игнорируется уникальнейший в истории всей Азии опыт создания гигантской империи и описывается лишь история «варварского» народа, с акцентом на извлечении лишь в чем-то полезной информации.

Этим трудом был подан пример того, как должна проводиться ревизия и фильтрация киданьского цивилизационного наследия. Кидани рассматривались как «варвары», значит, извратители культуры. Тем самым это китайское представление начнут перенимать и северные народы, которые сами всегда жили на периферии. Эта операция, на самом деле, имеет и другие неприятные последствия. Чжурчжэни сумели активно войти в кампанию по дискредитации киданей и извращению сложившегося имиджа их цивилизации, но свой адекватный имидж они создать не сумели. Культурное влияние чжурчжэньского государства было менее широким. Созданное ими письмо носило не международный, а региональный характер. Картина мира киданей была более широкой и уступала разве что лишь китайской, тогда как чжурчжэни максимально изо-

лировались от окружающего мира и противопоставили себя и Северу, и Югу. Это станет одним из факторов, обезоруживших кочевников перед лицом достаточно активной культурной экспансии Китая, степень грубости и неуважительности по отношению к кочевникам в котором резко повышается. Антикочевнические настроения в Китае значительно усиливаются по сравнению со временем существования Ляо. Это аукнется и во времена Чингисхана: монголы уважали Ляо и ненавидели Цзинь: и за прерывательную политику по отношению к монголам, и за то, что чжурчжэни позиционировали себя как оседлое государство, пришедшее на смену кочевым киданям. Чжурчжэни вызвали неприязнь со стороны кочевых народов за это и за претензии на господство во всей Восточной Азии.

Особое место в «холодной войне» чжурчжэней с киданями заняла деятельность по дискредитации как отдельных киданьских императоров, так и фигуры императора в целом.

Первый удар был нанесен по действующему императору Елюй Тяньцзо. Именно ему выразил неповиновение мятежный Агуда, будущий основатель чжурчжэньского государства, и именно его чжурчжэни обвиняли в несправедливой политике по отношению к племенам. Впоследствии свой опыт этой борьбы они обобщили и применили по отношению ко всей национальной политике Ляо. Для своей информационной атаки чжурчжэни использовали новое понимание «свободы». Если для киданей свобода дает право на самостоятельность и уникальность развития, то для чжурчжэней она дает право на борьбу с «угнетением». В результате происходит подмена понятия. Агуда вполне сознательно в борьбе с Ляо инициировал и провоцировал разного рода «май-даны», играя на желании тех, у кого было чего-то мало, бесплатно получить большее.

В результате шел одновременно демонтаж цельного комплекса ляоской элиты, и ее роль фактически сводилась к угнетению социальных низов и других народов. Демонтаж исторической памяти шел широко, проводился осознанно, умело и на всю глубину киданьской истории и культуры. Осмеяны и оклеветаны оказались государство, армия, культура, экономика.

Что касается киданьской цивилизации, то в результате была размонтирована ее центральная матрица, т.е. система ценностных координат. Кидани «рассыпались» и постепенно утратили надличностное сознание и коллективную волю. У них отрезали историческое прошлое, естественно, чтобы не стать манкуртами, они вынуждены были искать новую этническую нишу, которую обретут окончательно лишь при монголах. Чжурчжэньское и монгольское заместят киданьское, которое сохранится лишь в препарированном виде в двух великих текстах, в отдельных фактах, именах, мифах. Кидани при Цзинь утратили целостную картину мира, способность к логическому и объективному осмыслению своего прошлого и превращались из демоса в охлос (толпу), что и фиксирует слово «кара-китай». Здесь речь идет не только о тех, кто создал свой центральноазиатский эксклав, но и о маркере понижения статуса этноса, потери им культурной матрицы.

Сама идея киданьского императора дискредитировалась тем, что его появление именно чжурчжэнями, не считая, разумеется, китайцев, было объяснено нарушением государственного порядка. В этом плане они совместно с китайцами провели большую работу по дискредитации деятельности первого имперского правителя. Е Лунли в сво-

ем сочинении эту мысль выразил афористически точно: Елюй Абаоцзи (китаизированное произношение имени основателя киданьского государства) «узурпировал власть».

Внешне это действительно было похоже на узурпацию, разумеется, с точки зрения китайской имперской системы. На самом деле мы видим формирование нового, еще невиданного в истории типа государства — кочевого. Киданьское государство Ляо стало первой полноценной кочевой империей, а Елюй Апоки стал первым кочевым императором. Время Апоки — знаковое для киданей, своего рода переломный момент в их истории, переход от типично кочевой к более сложной и комплексной экономике.

Фигура Апоки выделяется в истории киданьской элиты именно тем, что он «навел порядок», «открыл», «указал путь», «начал», «дал истину», т.е. не просто вывел из тупика, а показал долгий и благополучный путь в будущее.

Средневековые китайцы не могли отрицать незаурядность фигуры первого кочевого императора, хотя причины его воцарения сводили к узурпации трона варварами. Е Лунли писал: «Неужели Небу не надоели беспорядки, иначе как незаконно присвоивший себе имя и титул смог подчинить различные народы?! Если это не так, почему он действовал тогда так энергично! Ведь то, что пять племен варваров, подобно тучам собираясь вместе, беспокоили Китай... хотя и объясняется действиями людей, но зависело также и от судьбы» [Е Лун-ли, 1979: 54].

Китайцы столкнулись с совершенно новой для себя ситуацией и на первых порах повели себя стандартно. Они не могли принять киданьскую элиту в целом и конкретно Апоки как равноправных акторов политики в Восточной Азии. Апоки, с их точки зрения, «узурпировал» власть дважды. Первый раз, когда он не захотел смениться с должности вождя союза племен в соответствии с традицией. Китайцы считали, что приход к власти вопреки правилам есть нарушение порядка, установленного Небом. В самом Китае мятежников всегда осуждали, даже если они захватывали власть, вели с ними борьбу до конца. Второй раз Апоки «узурпировал» власть, когда стал создавать свою элиту путем своеобразной «опричнины». Здесь кочевая аристократия, хотя и не принимала идею верховной и, по сути, неограниченной власти, понимала, что сложная социополитическая ситуация носит универсальный характер в рамках всей Восточной Монголии и Маньчжурии. Они готовы были поддержать Апоки, позволить ему укрепить властную вертикаль. Если бы он пошел путем Чингисхана и вышел на масштабную внешнюю экспансию, его бы поддерживали и далее. Однако Апоки ограничился наведением порядка в регионе и не увидел вины Китая во внутренних неурядицах кочевого мира. Позднее Чингисхан даже упрекал киданей в том, что они проглатывали обиды, и говорил, что мстит и за них, и за всех монголов в целом, чем, собственно, и привлек на свою сторону основную массу племен.

Е Лунли очень много пишет о пьянках киданьских правителей, разврате, царившем при ляоском дворе. Эта компрометация представителей киданьской элиты, их обесчещивание сочетались с описанием «бандитизма» киданей, угнетения ими подвластных народов и при этом опирались на богатый фактический материал, иногда, можно подозревать, просто сомнительного происхождения или заимствованный из слухов. Уже одно обилие такого рода «фактов» давало возможность для автора «Цидань го чжи» не допустить при описании фактически имперской истории использование жанра «династийной истории».

В то же время киданьскую элиту оттеснили от основных направлений деятельности, а они многообразны и непросты: выстраивание госаппарата (основу заложили преобразования Апоки), развитие идеи и модели империи, адаптация имперской конструкции к Ляо, строительство родов Елюй и Сяо как правящих, поддержание существования элиты как надстройки над аристократией, обеспечение эффективного функционирования договорных отношений со знатью и аристократией, активная внешняя политика, направленная на стабильность существующих границ, языковая политика и т. д. Киданьская элита реализует конкретные функции, имеющие общеимперское значение: редистрибутивные, реципрокационные, дипломатические, регулирующие, религиозные, а также охрана территории, руководство войсками. Кроме того, важны и такие функции киданьской элиты, как гносеологическая, аксиологическая, коммуникативная, интегративная, информационная, мировоззренческая.

Один из признаков элиты — ее образованность. Это особо подчеркивается в текстах, особенно в отношении представителей императорского рода. Можно говорить о существовании искусственной системы образования для привилегированных слоев. Программа была изощренная — языки, литература, управление, физическое развитие. Кидани были почти полностью вытеснены из этой системы.

Сыграла особую роль в уничтожении киданьской элиты и культурная перестройка в целом. Чжурчжэни фактически взяли под свой контроль все культурные потоки. Именно при чжурчжэнях практически полностью исчезла обильная киданьская литература.

В итоге, если несколько зло покаламбурить, то чжурчжэни не могли, да и не хотели убивать имперскую идею, но убивали ее носителей — киданей. Это был своеобразный исторический плагиат с уничтожением авторов. Чжурчжэни не просто использовали киданьские идеи, по-своему интерпретировав их, но и приписали фактически себе, обвинив киданей в нарушении воли Неба, что якобы и привело к гибели их династии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Воробьев М. В. Чжурчжэни и государство Цзинь. М. : Наука, 1975. 448 с.
- Е Лун-ли. История государства киданей (Цидань го чжи) / перевод с китайского, введение, комментариев и приложения В. С. Таскина. М. : Наука, 1979. 613 с.
- История Железной империи. Новосибирск : Институт археологии и этнографии СО РАН, 2007. 365 с.
- Пиков Г. Г. Киданьская элита в историческом контексте (907–1218). Новосибирск : Манускрипт, 2016. 506 с.
- Таскин В. С. Китайские источники по истории династии Ляо // Страны Дальнего Востока (История и экономика). М., 1971. С. 62–82.
- Wittfogel K.-A., Feng Chia-sheng. History of Chinese Society Liao (907–1125) // Transactions of the American philosophical Society, new series-volume 36. Philadelphia, 1949. 752 с.

REFERENCES

- Vorob'ev M. V. Chzhurchzhèni i gosudarstvo TSzin' [Jurchen and state of Jin.]. M. : Nauka, 1975. 448 s. (in Russian).

E Lun-li. Istorii a gosudarstva kidaneĭ (TSidan' go chzhi) [History of the state of Chitan (Qid'an Guo Zhi)]. Perevod s kitaĭskogo, vvedenie, kommentarii i prilozhenii a V. S. Taskina. M. : Nauka, 1979. 613 s. (in Russian).

Istorii a Zheleznoĭ imperii. Novosibirsk [History of the Iron Empire]: Institut arkheologii i ětnografii SO RAN, 2007. 365 s. (in Russian).

Pikov G. G. Kidan'skai a ělita v istoricheskom kontekste (907–1218) [Chitan elite in historical context (907–1218)]. Novosibirsk : Manuskript, 2016. 506 s. (in Russian).

Taskin V. S. Kitaĭskie istochniki po istorii dinastii Liao [Chinese sources on the history of the Liao dynasty]. *Strany Dal'nego Vostoka (Istoriia i ěkonomika)* [The countries of the Far East (History and economy)]. M., 1971. S. 62–82 (in Russian).

Wittfogel K.-A., Feng Chia-sheng. History of Chinese Society Liao (907–1125). *Transactions of the American philosophical Society*, new series-volume 36. Philadelphia, 1949. 752 p.